К1316491

С. Орлов

Мое поколение

Администрация Белозерского муниципального района
Белозерский историко-художественный музей

С.Орлов.

Мое поколение

Посвящается 80-летию поэта С.С. Орлова

ООО «Полиграфист»
2001

РС
О-66
кр+кми
84(2=Рус)6

Составитель: Богомолова Т.В.

В книге использованы материалы фондов Белозерского историко-художественного музея. Публикуются впервые.

©ООО»Полиграфист»
©Белозерский историко-художественный музей
©Орлова В.С.

В.Оссовский, Узбекистан
«Портрет С.С. Орлова»
1963 г.

Сергей Орлов олицетворял образ целого поколения. И какого поколения! Героически прошедшего войну в почти мальчишеском возрасте, начавшего самостоятельную жизнь с великих подвигов, с немыслимых трудностей и испытаний.

Сергей Михалков

А был он лишь солдат ...

Сергей Сергеевич Орлов (1921-1977 г.г.) был представителем и певцом поколения, прошедшего войну в юном возрасте и спасшего Европу и весь мир от фашизма.

Ох, как трудно стать поколением!
Если мы бы не стали им,
Все закончилось поражением
И падением мировым.

Так написать мог только солдат и поэт, истинный сын народа, переживший все, что выпало на его долю. Мне посчастливилось знать Сергея Орлова и дружить с ним с Мегринской школы-семилетки, в которой он писал «стишки» в детскую стенгазету.

Все его детские и юношеские впечатления связаны с просторами белозерской земли, с «милой районной столицей» - Белозерском, где он учился в средней школе и сочинил немало хороших стихов. За стихотворение «Тыква», написанное в шестнадцатилетнем возрасте, ему была присуждена премия на Всесоюзном конкурсе школьников в Москве с высокой оценкой Корнея Ивановича Чуковского, помещенной в газете «Правда».

Сергей Орлов был высокообразованным человеком. До войны он начинал учиться в Петрозаводском университете. После войны продолжил образование на историческом факультете Ленинградского госуниверситета. Затем перешел в Литературный институт который закончил в 1954 году.

На войну С.Орлов пришел уже сложившимся поэтом. Он воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, дважды горел в танке. Счастливая судьба сберегла его для жизни и поэзии.

Первая книга стихов «Третья скорость» (1946) и целый ряд последующих сборников - это летопись суровых военных будней, фронтового героизма, солдатской дружбы. За сборник стихов «Верность» он был удостоен Государственной премии РСФСР

«Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат» (1944) - эти хрестоматийные строки посвящены памяти советского солдата. Они вошли в сознание народа. Они говорят о том, что С.Орлов по жизни и по содержанию его творчества является народным поэтом.

Ему свойственны и лирические раздумья о времени, о назначении человека, о любви и дружбе. Во многих стихах поэт воспевал людей и природу Вологодского края. Каждый приезд С.Орлова в Белозерск духовно обогащал его мужественную, светлую поэзию. Книги «Городок» и «Белое озеро» написаны о земляках: плотогонах, бакенщиках, матросах и капитанах буксиров, кружевницах трикотажной артели. Сколько же доброты и душевного тепла вложил поэт в героев своих стихотворений и поэм!

Творчество С.С.Орлова получило широкое признание общественности: он Лауреат Государственной премии России, Секретарь Союза писателей РСФСР, член Комитета по присуждению Ленинских премий.

И вот его не стало. В ненастный осенний день 12 октября 1977 года, собравшись вокруг свежей могилы на Кунцевском кладбище, мы бросали прощальную горсть земли на гроб Сергея Орлова. Все было так, как он сказал в одном из своих лучших стихотворений:

Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

После себя поэт оставил более тридцати книг. Благородство дружбы он перенес через всю свою жизнь.

Иван Бузин
25 мая 2001 года.

Городской сад
1920гг.

С.Орлов, И.Малоземов, Л.Бурков
1940.

9.

На фоне нарисованного сада
Где статуи белеют и дворцы
Четыре парня кои то снялись рядом
Совсем еще безусые юнцы

Они глядят восторженно с портрета
Вдаль из забвенного преданного дня
И крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня

Вчера мои парни распрощались с классом
Пути дороги видно далеко
Но ними небо безмятежно ясно
И все удастся в жизни им легко

И все красиво будет словно в книжке
Их труду и слава ждут в краю родном
Смешные неумножие мальчишки
Кои даже в снах не снилось о ином

С ерошкой неистовой шепелой
Пути где в доме и пряди шоферы
Нить кого совсем не обучала в школе
Опять на снегу быть смерти убивать

Вечер.

Опустился теплый вечер,
Словно голубь с высоты,
На мои большие плечи —
На деревню, на кусты.

Сизодымчатый туманный
Вечер крыльями накрыл
Лес, реку, людей, поляны...
Ничего не позабыл.

Посмотрел, улечся где-бы,
Синий сонь — И уснул,
Все закрыв дневное небо...
— Я сурово вверх взглянул.

А вверху, дрожат в бессильи
Чище самых чистых рос
На его широких крыльях
Голубые капли звезд.

Из неопубликованного.
1930 г.

Провожанье.
(песня).

Пароход пары разводит,
Рулевые смотрят вдаль...
Милый в армию уходит
Расставатся очень жаль.
В борт волна косая бьется
Над волной клубится дым...
Милый будет краснофлотцем
Краснофлотцем боевым.
Над Бел-озером зарница
Озаряет вышину...
Скоро будет на границе
Он хранить свою страну.
Проходить морским дозором
В непогоду, в бурю, мрак,
Чтоб не мог пробратся морем
К нам в союз зловредный враг.
~~Та~~ . . . . . .
Гармонисты марш заводят...
~~Отъ~~ винтов идет волна...
Милый в армию уходит...
Гаснет день. Встает Луна.

Из неопубликованного.
1930 г.

Хоккейная команда университета.
г. Петрозаводск. 1940-1941 г.г.

Сергей Орлов с членами экипажа.
1943г.

Автобиография

Родился в 1921 году в Вологодской обл. с. Мегра Белозерского р-на.

Мать и отец сельские учителя. Семи лет пошел в школу. В 1940 г. окончил 10 классов в гор. Белозерске. В 1940–41 г. учился в гор. Петрозаводске в Гос. Университете на историко-филологическом факультете. Учёбе помешала война. С 1941 г. служу в армии сначала рядовым, затем младшим командиром. В 1942 г. окончил Челябинское танковое училище со званием Лейтенант. В 1943 г. на фронте получил звание гв. старший лейтенант. В 1944 г. после тяжелого ранения (ожога в горящем танке) из госпиталя уволен в отставку.

Награжден орденом „Отечественная война II степени" и медалью „За оборону Ленинграда". Стихи начал писать до войны, тогда же начал печататься в различных периодических изданиях, журналах „Ленинград", „Молодой колхозник", „Костер", „Пионер", „Краснолотец". На

Были стихи в областных газетах и в „Комсомольской правде".

В войну в 1942 г. совместно с одним Свердловским поэтом вышел сборник стихов „Фронт" в издании Челябгиза под редакцией Льва Никулина. Печатался в армейских и фронтовых газетах. С

Домашний адрес:
Вологодская обл. г. Белозерск
Коммунистическая 113. С. Орлову.

• • •

Я сегодня вышел в ночь влюбленный,
В мир до самых отраженных звезд.
Не дергач скрипел во ржи зеленой,
То земная скрежетала ось.

Шар крутился, накреняясь грозно,
Так, что сосны дикие в лесу
С неба заполуночные звезды
Сучьями сшибали, как росу.

Как ерши в воде густой, зеленой
Стаями, сверкая чешуей,
Шишек рыжеватых миллионы
В хвое проносились предо мной.

И казалось мне, что стал я тоже
Деревом косматым средь дорог,
И по мне необъяснимой дрожью
Прянул жизни бессловесной ток...

1940

"Десятикласснику"

Остаток дней неслышно пролетит
И мы уйдем с тобой в калитку эту,
За нею жизнь, широкие пути
Откроют вдруг, охватит словно ветер...

Ты будешь помнить тополь над прудом
И школьный двор широкий и просторный,
Ведь школа все-таки была, как дом,
В котором детство... Выросли в котором!

И думается так, что ты скорей
Забудешь все, но будешь помнить это,
Свой шумный класс, своих учителей
И шалости, и парту, и отметки.

Ведь здесь ты рос у мира на виду,
Мечтал о путешествиях далеких,
С грамматикой извечно не в ладу,
Читал Майн-Рида на уроках.

Здесь ты пришел однажды на урок,
Одеколоном весь благоухая,
Сбрив на губе мальчишеский пушок
И на девчат взглянул, слегка смущаясь,

И вот тебе откроют без границ
Широкий мир, и с юностью простись ты,
Взгляни на солнце, не смежив ресниц,
И становись геологом, танкистом!...

Пускай тебе дадут суконный шлем,
И ты, шинель ремнем широким стянешь,
Я знаю: тополь старый над прудом
Ты не однажды с теплотой вспомянешь.

В лесном краю у дымного костра,
Или в горах, пускай не все равно-ли!
Ты скажешь другу: "Вот была пора",
Пожалуй, снова поучился б в школе.

5 июня 1940 года
Стихотворение из газеты «Белозерский колхозник», в сборниках не публиковалось.

• • •

Может завтра, я сам не знаю,
В направленьи каком, когда
мы разъедемся, не прощаясь
и не свидимся никогда.

Ты была для меня загадкой,
думал, шутишь любовью со мной.
Потому-то характер гадкий
мне велел уходить с другой.

Я поверь, и теперь не знаю
ты любила шутя иль всерьёз,
большеглазая, озорная,
замечательная до слез.

Я не знаю и знать не нужно...
-Слышишь трубы зовут в поход
от Мурманска до сопок южных
это родина нас зовет.

Я пойду в огневые дали,
коль свершаться желанья мои...
Имя светлой девчонки Гали
пронесу через все бои.

Если смерть мне придется встретить,
я взгляну тогда на зарю,
ртом хватая горячий ветер
имя дальнее повторю.

И тогда в синеве высокой
пусть мелькнет над листвой берез,
дорогой несказанно локон
золотистых твоих волос...

Письмо в стихах
в сборниках не публиковалось.

3047

• • •

Обвалились небесные хляби,
Фронтовую дорогу гвоздя...
Мне припомнился город Челябинск
Весь в столбах голубого дождя.

И девчонка с туфлями босая
В подворотне случайно со мной,
И, плечами друг друга касаясь,
Разговор ни о чем под стеной.

А потом над рекою Миусом
Поцелуи. В кино шепоток.
Расставанье. И горлинкой грустной
Прозвучавший с перрона свисток.

Паровоза ответная песня,
Полный ветра и стука вагон,
И над поездом дождик отвесный,
Вслед летящий второй перегон...

Обвалились небесные хляби,
Льет вода через щели под люк...
Почему-то я вспомнил Челябинск
И девчонку далекую вдруг,

1942

Карбусель

Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель -
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

1943

• • •

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолей земля -
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей.
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

1944

• • •

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.
Махоркой и соленым потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах.

Нас счастье даже в снах не посещало,
Удачами не радовала жизнь.
Мы жили от привала до привала,
В сугробах мерзли и песках пеклись.

Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы?! - Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.

Мы горе, что по праву причиталось
И им, далеким, выпили до дна.
Им только счастье светлое осталось,
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь - война.

1944

• • •

Мы ушли на заре,
Словно тени косые,
Под землей наши руки с корнями сплелись,
И не слышим мы - дождь ли идет по России,
Или дымом сугробы в полях завились.

Тишина, о которой мы столько мечтали,
Черным камнем легла, на разбитую грудь.
Может быть, петухи на Руси закричали,
Но и им тишины не спугнуть, не вспугнуть.

Только хруст корневищ сквозь прогнившие кости,
Только голос подземных ручьев...
На забытом, поросшем крапивой погосте
Мы лежим, может, год, может - тыщу веков.

1944

Командир танка

Поэма

Памяти Героя Советского Союза
гвардии лейтенанта Ивана Малоземова,
товарища юности, посвящается

Заходи в мое стихотворенье,
Запросто, как в дом родной входил.
Силой своего воображенья
Я хочу, чтоб ты на свете жил.
Песни пел, плечистый, крутолобый,
Обнимал девчонок на ветру,
В честь Победы с земляками чтобы
Пива выпил на честном пиру.
Посмотри, настала жизнь какая -
Время песни петь, поля пахать.
Вся земля летит, благоухая,
Вся в цветах и травах - не узнать.
Журавли трубят отбой тревоге,
Ласточки под крышей гнезда вьют,
Дымом золотым пылят дороги,
И домой все воины идут.
Бомбы не раскалывают зданья,
Не гремят орудья - тишина.
Навсегда теперь воспоминаньям
Отдана жестокая война...
Дни сражений сделались историей,
Но средь них я вижу без труда
Эту ночь багровую, с которою
Ты остался вместе навсегда.
Встанем рядом, на судьбу не сетуя,
И войдем в гремящий Сталинград
Эта ночь рассвечена ракетами,

Минами лютует наугад.
Огневая, черная, фугасная,
Пылью известковою пылит...
Тусклыми поблескивая касками
Санитары парня пронесли.
Пронесли и скрылись под развалины
Пахнет кровью в блиндаже - от ран,
Морем - от йода... Опечаленный
Встал у входа старший лейтенант.
"Тихо, парни..." Будто за разрывами
Раненые слышат голоса...
И стоят танкисты молчаливые
Перед блиндажом, как на часах,
Чтоб в него не пропустить к товарищу
Злобную каргу - кривую смерть,
Крикнуть ей: "Не на того ты заришься,
Уходи отсюда вон, не сметь!"
Не тебе с ним сладить, тварь болотная
Если от гвардейца жизнь ушла,
Родина в бессмертие возьмет его
За его геройские дела...
Он лежит осколками иссеченный,
Бледный, с непокрытой головой.
Орденами многими отмеченный
Парень вологодский молодой.
Мой товарищ юности, которую
В сорок первом горестном году
"Юнкерсы" разбили двухмоторные -
В пламени, в развалинах, в чаду...
Знает, шедший большаками длинными,
Опаленный, черный, как июль,-
В эти дни мы сделались мужчинами
Не в любви, а после первых пуль
Пусть они запомнятся надолго нам
Но надолго нас переживут
Дни и ночи города над Волгою
Те, что славой мира назовут.
У времен - морями-океанами,
Дымкой золотистою былин,

Знаю они встанут, осиянные,
В голубой немыслимой дали.
Славой окруженные безмерною,
В радостные тихие года
Не рожденные еще Гомеры
Воспоют героев навсегда.
А пока, во имя старой дружбы,
Я - солдат и не хочу молчать,
Дайте мне о - брате по оружию,
Мне, как современнику, - сказать...

Землю до морей и океанов,
Стягивая накрест, как - ремни,
Поперек и вдоль меридианов
Пролегли стремительно они -
Дымные железные дороги,
И по ним, мимо лесов и гор,
Пролетают поезда в тревоге,
Оглашая лязгами простор.
В молодых березняках по пояс,
Искры осыпая на бегу
На траву и на деревьев хвою
В ливни .дождевые и пургу.
Сталь Урала, хлеб сибирский сытный,
Ишимбаевский газойль и спирт -
Все, что нужно для великой битвы.
Битвы, что на западе гремит.
Все для битвы. И глядят березы:
На платформах танки, как слоны,
Хоботы орудий подняв грозно,
К западу лицом обращены.
Все для битвы. И в теплушке тесной
Парни молодые - на подбор -
Варят кашу, вспоминают в песнях
Девушек из-за Уральских гор.
Свертывают злые самокруты
Чистят пистолеты у окна.
В дым одета и в огни обута,
Где-то поджидает их война.

Где-то ходят фрицы, им которых
На войне положено убить.
Руку поднимают семафоры,
По уставу, как должно и быть,
Воинским приветствием встречая
Эшелон по всей стране родной.
Песенку негромко напевая,
Едет в нем на фронт товарищ мой.
Курит, вместе с хлопцами махорку,
Ведома ему давно война,
У него горят на гимнастерке
Алою эмалью ордена.
Встретил он войну еще в "бэтушке",
От границы на седьмой версте...
Мелкого калибра даже пушки.
Пробивали этот танк "ВТ".
Но и в нем с отвагой беззаветной
Шел на батареи по траве...
Ведь рудой еще лежали где-то
Танки знаменитые "КВ"
Вспомним это время горевое,
Поражений тягостные дни,
Как мы толковали перед боем
Меж собой с надеждою о них.
И легенда даже шла такая
Жаркая, простая, как завет,
Будто где-то танки выпускают
Посильнее даже, чем "КВ".
"Родина - названье танкам этим,
Неподвластным минам и огню
Никакая силища на свете
Не пробьет их гордую броню,
"Родина"... (Легенду вспомним снова,
Ведь в дыму и пламени атак
Люди, не случайно этим словом
Называли, легендарный танк.)
Родина! Как танк неумолимый,
Встала ты и вышла в грозный бой,
Никаким огнем неопалима

И с непробиваемой броней.
А "КВ" - они существовали
Позабыв про отдых, в том году
Шахты, днем и ночью на Урале
Выдавали на гора руду
Золотые руки колдовали
Много дней над нею и ночей
Отлили, сварили, отковали,
Звезды сбоку вывели на ней...
Ненавистью лютою движимый,
В днях труда, как в схватках боевых,
Вот и вышел танк, несокрушимый,
Словно дух строителей своих...
О таком мечтал он, и, счастливый,
Получив машину, мчал назад
Лейтенант - в гвардейский полк прорыва,
В город нашей славы Сталинград.
Ночи светлы, а рассветы мглисты.
День и ночь без отдыха подряд,
Из машин не выходя, танкисты
Защищают город Сталинград.

Вот к рассвету приутихло малость.
Курят парни, думой заняты.
Одолев железную усталость,
Достаешь конверт с бумагой ты...
Думаешь, подняв высоко брови,
Пишешь в край отцовский письмецо...
Далеко за тыщи верст, в Пестове,
Мать опять выходит на крыльцо.
Почтальона ждет она с тревогой,
Погадает в карты, погрустит...
Видно, не найдя домой дороги,
Письма затерялися в пути.
Где ей знать, что в этот час тревожный,
В перерыве кратком меж атак,
Сын письмо ей дописать не сможет,-
Вновь атаку начинает враг.

Вот опять огонь сверкнул багряный,
Взрывы, словно черные кусты,
Вырастают всюду непрестанно -
"Юнкерсы" заходят с высоты.
Падают свистящие фугасы,
К небу пыль кирпичная встает.
Воздух перекрещивают трассы,
Пулемет рычит на пулемет.
Грохот приближается моторов,
И по камню волжскому визжат
Гусеницы танков, на которых -
Комья глины десяти держав.
Но на волжских опаленных глинах
Оставаться им ржаветь навек...
Начинает с ними поединок
Из засады русский танк "КВ".
Любо, приложившись к панораме,
Прокричать сквозь пулеметный лай,
Как кричишь ты: "Бронебойным прямо,
По фашистским гадам, заряжай!"
Любо - гильзы масляное тело
И снаряд в казенник протолкнуть,
Тонким перекрестием прицела
Свастику паучью зачеркнуть,
Чтоб под бронебойною гранатой
Раскололась надвое броня
И над башней черной и горбатой
Вырос сноп багрового огня.
Ты не раз уже изведал это,
И опять враги горят, горят...
В черном дыме падают ракеты,
За снарядом вслед летит снаряд.
Бой идет тяжелый и неравный,
Немцев больше втрое... "Не беда!
Пусть их больше, значит, больше славы
Будет нам!" - ты вымолвил тогда...
Вот они стоят, подбиты, рядом,
В пламени, как в копнах спелой ржи.
"Лейтенант, окончились снаряды..." -

Младший мехводитель доложил.
А из дыма вновь идут, качаясь,
На броне чернеются кресты...
Пот со лба рукою отирая,
Что подумал, что ответил ты?
За твоей спиной стоит Россия,
Матери с детишками в руках,
Длинные дороги верстовые,
Тонкие березоньки в бинтах.
Алыми знаменами рябины
Заклинают, голос подают.
Устоишь - и села Украины
Вновь родные песни запоют.
Устоишь на Волге - и на Шпрее
На колени город упадет,
Грозный танк по липовой аллее
Паренек с Арбата проведет.
Год наступит ясный сорок пятый,
Тишина обнимет города...
"Дайте песню, если все снаряды..."
Экипажу ты сказал тогда.
Дайте, дайте экипажу песню
Я ее в поэму позову...
... Это время гордое, воскресни,
Повторися в песне наяву!
Песня начинается несмело
И в начале песни - на врага
Самолет пылающий Гастелло
Посылает через все века.
А за ним - в гремящем Сталинграде,
В захлестях свинцовой злой пурги,
Расстреляв в сраженье все снаряды,
Малоземов сел за рычаги.
В миг, когда, казалось, враг прорвется,
На броню пошла в упор броня.
Поднимает парень вологодский
На дыбы машину, как коня.
Не было раздумья и вопросов!
Вся страна в дыму от контратак.

И с размаху Малоземов бросил
Сталь на сталь, гремящий танк на танк,
Пусть броня гудит и сыплет искры,
Но с машиной бьется сердце в лад...
Разворот - и снова на фашистов
Он ведет машину как снаряд.
И тогда стихает ветер чадный,
И встает Победа, но в упор
Враг в последний миг "КВ" снарядом
Поражает из засады в борт.
Черный дым вздымает над мотором
Лютая, нежданная беда...
И тогда приходит ночь, с которой
Ты остался вместе навсегда.
...Бой утих, и тишина надолго
Опустилась к травам и домам.
Дым войны рассеялся над Волгой,
Как над Белым озером туман.
Школьный тополь так же над водою,
Над прудом опять в валу стоит,
Кажется, веселою толпою
Подойдут к нему друзья мои.
Выйдут одноклассники, которых
Раскидала по стране война.
И припомним мы за разговором
Славных одногодков имена...
Вновь весна шумит над Белозерьем,
Вновь цветут черемухи в садах...
Мы ряды товарищей проверим,
Сколько их погибло на фронтах!
Чтобы солнце ясное не застил
Никогда осатанелый враг...
Вспомним их, добывших это счастье
В грозном реве танковых атак.
Встанем пред родными именами,
Добрым словом павших помянем...
Вот горит Победы нашей знамя,
Кровь друзей священная на нем...
Никогда с забвеньем не знакомо,

Сердце помнит - что ему года!..
Пусть придет Ванюша Малоземов
В розовой рубахе, как всегда,
Смуглолицый, крепкий, кареглазый,
Полный свежих, юношеских сил,
И зайдет в стихотворенье сразу
Так, как в жизнь хозяином входил,
Чтобы жить и странствовать по свету,
Песни петь и слушать шелест трав,
Заходить в поэмы и сонеты
К будущим поэтам по утрам.

Май 1945,
Белозерск

• • •

Вот человек - он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть - и глаз не отвести!

1945

• • •

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.

Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склоняться рад,
Припав горячими губами.

Ползет по кочке муравей,
И ты, всесильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.

Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.

Земля, она как щит стальной,
Когда поднимешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

1945

* * *

Ну что судьба - ты на нее не сетуй:
Неповторимо наше бытие.
Она тебя вела по белу свету
И сохранила в тысяче боев.
Мир многоцветен, груб и многогранен,
В нем жажды до конца не утолить,
И не предвидеть ничего заранее,
И никогда не отхотится жить.
Жить так, чтоб за спиной широкой вьюга,
Чтоб звездная метелица мела,
Морозы тундры, злое солнце юга,
И день и ночь, горячий свет и мгла,
Чтоб рушилось и снова возникало,
Чтоб солью пропитался воротник,
Чтоб в руки въелась изморозь металла,
Огонь в тугие мускулы проник,
Чтоб шли деревья сильными ногами,
Чтоб плакали и пели поезда,
Булыжники гремели кулаками
И трепетала синяя звезда,
Чтоб где-то на сосновом полустанке,
В далеком и неведомом краю,
Девчонка, босоногая белянка,
Вдруг загляделась в молодость твою.
Пройдут года, и с женщиной любимой
Когда-нибудь неправду ощутишь,
Ты вспомнишь полустанок, клубы дыма
И вновь о невозвратном загрустишь...
И вновь не будет на сердце покоя,
Тебе простор откроется иной.
Пить жар степей, смолистый запах хвои,

Цветов и трав томительный настой.
Лугам не сохнуть, не иссякнуть водам,
Не надышаться воздухом тебе,
Не запроситься на покой и отдых,
Не изменить товарищам в борьбе.
Взгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями в смертный час,
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса, лучась,
Земля вертится, накреняясь грозно,
И метлы пальм на тропиках с небес
Сметают заполуночные звезды,
И вздрагивает в них, сверкая, Южный Крест.
Дымятся горы, необычно юны,
Пьянит кристальный воздух, как вино.
За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно.
Геологи втыкают альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом,
И день встает горящий на востоке,
Не кончившись на западе еще...
Костры горели где-то на привалах,
Ни на минуту мир не замирал.
Все в нем перекликалось, трепетало,
Ворочалось, сшибалось наповал.
Невпроворот свирепая живучесть
Бурлит на скалах горяча.
Земля свою положенную участь
Несет, как солнце, на литых плечах.

1945

• • •

На фоне нарисованного сада,
Где статуи белеют и дворцы,
Четыре парня как-то снялись рядом,
Совсем еще безусые юнцы.
Они глядят восторженно с портрета
В даль из забвенью преданного дня.
А крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня...
Смешные неуклюжие мальчишки,
Им даже в снах не снилось -
В дым, в огонь шагать,
Жить, как тому не обучали книжки,
Спать на снегу, пить спирт и убивать..

1945

Перед порогом

Все то же - дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то - от трав до стекол,
Лишь только я не тот.

Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:

С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.

И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.

Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

• • •

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога,
И остаются версты за спиной.

В лицо подул старинный ветер странствий.
Забудь былое и иди вперед.
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...

Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негаданных друзей.
Жизнь - это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.

И если есть в конце его березка,
У каждого та, под которой лечь,-
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.

Есть в трепетанье наших рощ зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.

Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь,
И сохрани крутое постоянство
В любви к отчизне, и земли держись.

А если смерть негаданная встанет,-
Гляди в глаза, не отводи лица
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.

1946

У себя дома

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было:
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу,-
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл ПО-2 над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал,-
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,-
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал - пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром.

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится, как надо.

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом.
Повстречались мы как земляки
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо:
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты?..

Не узнать ребят - по всей стране
Крупными ворочают делами,
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

1952 г.

Праздник октябрьской революции. 1929г.
Фото В.В.Кичагова

Площадь города Белозерска
Начало 1930х-гг.

В городском саду

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забыть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны,-
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни:
Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечке мест.

Город Белозерск
50-е г.г.

Город Белозерск. Площадь.
1950 - 1960 г.г.

Город Белозерск
50-е г.г.

На Белом озере.
60-е г.г.

Город Белозерск. Улица Советский пр-т. (Бывшая Мостовая ул.)
1950-е г.г.

Город Белозерск.
1960-е г.г.

Город Белозерск. Улица Советский пр-т. (Бывшая Мостовая ул.)
1970-е г.г.

На бечевнике обводного канала.
1970-е г.г.

В городском саду

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в хороводе огней
Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забыть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильны, постоянны,-
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни:
Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечке мест.

• • •

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я - восемнадцатилетний -
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв

На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
"Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,-
Не поздно пока еще, друг".

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал;

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза;

Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...
Его впереди это ждало -
И я не окликнул его.

1952

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина -
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено!
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло - мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

1964

Мой лейтенант

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.

Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.

Жизнь прошла с тех пор,-
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,

Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.

Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.

Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.

Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.

Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.

Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант - песчинка средь огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!

Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я - из риска слова не скажу.

Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я - не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

Он не хочет верить в поговорку:
"Жизнь прожить - не поле перейти".
Там друзья, там поровну махорка,-
Я ему завидую почти.

Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.

Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет - и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

1963

* * *

Мы не пытались в жизни окопаться,
Нас мало уцелело под огнем,
Мы думали немного отдышаться,
Но вот уже опять гремит подъем.

Выходим мы в последнюю атаку,
Как в сорок первом вышли в первый раз
По грозному пылающему знаку,
И мой сегодня наступает час.

Собраться надо, чтобы встать, подняться,
И не крича ни "здравствуй", ни "прости",
Пускай совсем не так, как в восемнадцать,
Но надо встать, подняться и пойти...

1961

Второй

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.

Ему трудней безмерно было -
Он был не гений, не пророк -
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.

Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.

Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он - хаты, села, города!

И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.

Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь,

В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: "За мной!"
Второй поднялся.
Значит, рота -
И вся Россия за спиной.

Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире - а не первый,-
Ни бог, ни царь и не герой.

1962

Новые времена - новые песни.
Пословица

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.

Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.

Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера идут до Зимнего,
К себе и в молодость отцов.

Пусть наотрез права пословица,-
Я с ней не спорю, не хочу,
А песня все-таки не клонится,
И ей такое по плечу.

Смотри, взошла она - и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,
И снова славе нет конца

И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить

Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы -
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы,

1962

* * *

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.

Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы -
Лес вырубают, океан зеленый.

Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованы, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся коренья.

Леса хранят. Но это не леса.
Не свищут птицы в них, не плещет ветер,
В стеклянных загородках чудеса,
А не одно большое чудо света.

Асфальтовые тропки и бетон,
Рай для туристов атомного века.
А здесь еще плывут плоты по рекам
И слышен в далях Китеж-града звон.

И может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса,

1965

• • •

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, знать, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только - нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма -
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна:
"Нет, морфия не дам",- твердила,
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала,
Не дрогнув, добрая рука.

А ты все медлишь...

1966

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город?..

Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен.
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.

И лучше не глядеть назад:
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят -
Твоею зажжены рукою.

Ты в жизни жег хоть раз мосты,
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача?..

Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет,-
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.

А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

1966

• • •

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось - у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.

Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века,-
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?

Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма.
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...

Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.

Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги:
"Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

Ты - бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки. Не предавайся лени.
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.

Бессмертна я..."
Я подчинился ей.
Она - душа.
Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

1967

Вечернее мычание коров -
Деревни нашей древняя молитва -
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.

Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.

Аркадия, пастушечья страна.
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена -
Колокола домашнего покоя.

Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.

Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы,

Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,

Та песенка подойника - без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

1967

• • •

Живым поверка. Павшим слава.
Салютов гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах -
Повсюду царствует она
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие:
Со счастьем боль невпроворот.
Творец истории России -
Победу празднует народ.

1967

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы.
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем зальется в пенье.
Ты уши раскрывай. Он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

1968

• • •

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы - костры на ветру.

Ревут города нам в притихшие души
Неоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,

Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.

Там ивовый прутик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на спине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Негромко звенят в глубине.

Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солнце встает за ближайшим пригорком,
А не в космодромной дали.

Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От шлепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

1968

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.
Один с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой - смешной стариной.
Жалеет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее - не копейка,
А горя и радостей круг,
Который, как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало,
светилом
Очерчен самим на земле.
Костра языкастые всплески
То гаснут, то снова встают.
В них пламя Смоленска
и Бреста
И мая лазурный салют.
Чужие края и столицы -
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот - тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь -
не отринешь.
Над тихой излукой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река...

О, русская земля, ты уже за холмами еси!
"Слово о полку Игореве"

Всю ночь за лесом где-то шла гроза,
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.

Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей;
Полк отвели на переформировку.

Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.

Как будто в древней песне - позади
Уже Россия за холмами где-то,
И на плече моем, присев, сидит.
Как на холме, птенец, теплом согретый.

Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходящей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма

Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.

А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица.

Была душа тревогою полна,
Забытые сильней болели раны,
И вспыхивала белая стена,
Печатавшая перекрестье рамы.

На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели вспугнутые птицы,
А я один, я без оружья, стар,
И даже пальцем не пошевелиться...

1970

• • •

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем.
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

1970

• • •

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.

Нас вырубил металл, огонь спалил,
Четыре года, вечности четыре,
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире.

За нас живут и любят, всё за нас:
Внимают слову, произносят речи,
И ловят дождь в ладони в ранний час,
И женщин будят молча на рассвете...

1970

• • •

Ничему не научился,
А прошел войну, года,
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век.
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь,-
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть,

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы - сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?!
Мир, не сказку о добре,
Подарили мне, солдату,
В сорок пятом на заре.

Мир - такой, могло какого
Очень запросто не быть.
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

1970

• • •

Что было, то было, и все же
Забылось, быльем поросло,
Быльем, ни на что не похожим.
Ко мне обернувшимся злом.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только нежданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

1971

• • •

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил - недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.

Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки:
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.

Не будет прозрачного утра в печали
И в радости или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.

Под облаком птица летит в беспредельность
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.

Мне грустно. Но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.

Метет он незримый, но видимый взору.
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы,-
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

1972

• • •

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег.
И добрый хлеб становится политикой,
Когда его хватает не для всех.

Но над землей релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая - на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет,
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

1972

• • •

Христос распят, но жив Иуда,
И всходят над землей Кресты.
На свете будет жить Иуда,
Покуда будут жить Христы.

И молоток стучит со злостью,
Ища Христа среди людей:
Ведь надо же в кого-то гвозди
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,
Летит серебряник на стол.
Ах, если бы случилось чудо
И все-таки Христос пришел!..

Пришел не так, как приходили
Все возвращенные с Креста,
А в здравой памяти и силе -
Ко всем, в ком совесть не чиста.

1973

• • •

И черная случается весна,-
Ни в небе нет, ни на земле нет света.
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты.

На реках синий грязноватый лед,
Туман просторы мглистые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.

Но снег в полях быстрей день ото дня
Пора такая запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня,-
Вздымается, восходит, набухает.

В лесу, в оврагах, в поле, на земле -
Повсюду что-то новое творится.
Как только солнце выглянет во мгле,-
Весь мир мгновенно с ним преобразится,

И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен - голубой и рыжий.
Вот - солнце в луже, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет,

1973

• • •

Мне нынче снится край родной ночами,
Воды большие светы. И по ней
Я все плыву в веселье и печали,
Как в дни далекой юности моей,
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама:
В воде высокой тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет,
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда
Среди равнины, словно у черты,
Где может все нежданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

1975

На Шексне

Ю.Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой,
И словно бы гигантская дуга
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин,

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

1975

• • •

Теряю вкус к подробностям хмельным
Воды и суши
И вглядываюсь пристальнее в дым,
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю -
И удивляюсь,
Все больше, больше этот мир люблю -
И в том не каюсь.

1975

• • •

День падает, и, словно колокольцы.
Звенят капели, осыпаясь с крыш,
День падает куда-то за околицу,
В вечернюю пустеющую тишь.
Сейчас его пылающая кромка
Сверкнет огнем и скроется из глаз.
Встают стеною черною потемки
На синий и заледеневший наст.
Еще живут дневные звуки в воздухе,
Но и они уймутся, день погас,
День золотой, и голубой, и розовый,
Весенним светом озаривший нас.

1975

• • •

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услыхал победный крик
Перед рассветом петушиный.
Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.
Весь мир еще и мглист и сед,
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет.
Не просто смену дня и ночи.
Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем.
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим
Один. Вослед другой за ним.
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим.
Но что-то в небесах свершилось.
Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю
Давно не слышанное пенье.
После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Поют нежданно петухи
Светающе и светозарно.
Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услыхал победный крик
Перед рассветом петушиный.

1975

• • •

Враг не может предать, как друг,
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.
На вершинах я не бывал,
Мне они и сейчас не снятся,
Но встает впереди перевал,
Значит, надо мне подниматься.
По каменьям идти вперед,
Не искать дороги окольной,
Не вести пораженьям счет,
Не прислушиваться к болям.
Там, где ступит на снег нога,
Реже воздух и чище дали.
Нет ни друга там, ни врага,
Только ветер на перевале.
Только ветер да высота,
На которой ни разу не был,
Да, наверное, маета,
Что оттуда все дальше небо.

1975

• • •

Я требую немногого,
Немногого хочу -
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу,-
В июле с тишиною,
Всю белую зимою,
Всю черную весною;
Да, может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке,-
Когда мой сын нестарый,
Да и немолодой,
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

1975

Север

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей,
Над тишиною и войнами
Светит копорский кипрей.

Ширь, даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать.
И высота поднебесная -
Птице крылом не достать.

И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина -
Синяя капелька купола
На горизонте видна.

Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега -
Севера древние прориси -
Озеро, лес и луга.

1976

Прощание с летом

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных,
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.
Не надо ждать нежданных перемен
И радостей каких-то неизвестных,
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.
Уходит лето, не остановить,
Не сесть за стол - давай раскинем бражна
И будем петь и будем вина пить,
Как будто в мае... Ну и пусть, не страшно,
Еще ветра, пожалуй, по пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы...
Но дни летят - не оглянуться вслед
Теперь уже ни при какой погоде.
Не череда неторопливых лет,-
Уходит лето. Навсегда уходит...

1976

* * *

День начат с молока и хлеба,
С даров взыскующих полей.
В нем трубный глас, летящий с неба,
Громоподобных кораблей.

Они, как ангельские стрелы,
На миг возникли и прошли,
Маня в нездешние пределы
Просторов неба и земли.

А под окном горит рябина,
Березы жаром залиты,
И веет тишиной пустынной
От подступившей высоты.

Такой, что, может, и не нужно
Тех сиринов над головой.
Есть хлеб и кружка с белой дужкой,
И соль в солонке голубой.

1976

• • •

Стал я стар не душой, не телом,
Но неведом покой душе,-
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Остаются леса и долы,
Солнце в небе и города.
Светло-светлый мир и веселый,
Что вошел в меня навсегда.

1976

• • •

Май приносит дым воспоминаний,
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер - молодой, весенний.
Гимнастерка на плечах дымна.
Молодость. Ни страха, ни сомнений,
Может, завтра кончится война.

И сиренью на шоссе - девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки,
Все - как будто было бы вчера

Прошлое мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года,
Да бывал ли ты когда-то счастлив -
Так, как был счастливым ты тогда?..

1976

• • •

Летят на юг под небом птицы.
Как будто их несут ветра.
В осеннем парке дым струится
И пламя плещется костра.

Аллеи тихие пустынны,
Пруды листвой занесены,
Красны высокие рябины,
Поля далекие черны.

Поедем в пригород недальний
На вернисаж живых картин
Раздумий, грусти и печали
Без объяснения причин.

Автобус станции конечной
Уперся в синий небосклон,
Горят березы, словно свечи,
Там, как на стыке двух времен.

Там в вышине звучит прощанье
Птиц перелетных над землей,
Там горький запах увяданья
Смешался с дымом и золой.

И обнаженные просторы
Пусты, как белые холсты,
И краткий день щемяще дорог.
Как свет, упавший с высоты.

1976

• • •

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.
Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

1976

• • •

Вот и век кончается двадцатый,
Электрогитары у бедра
На ремнях, как будто автоматы,
Джинсы, продувные свитера.

Мальчики, юны и бородаты,
Бьют в упор крест-накрест, перекатом,
Мир берут, как будто бы солдаты.
Словно автоматчики с эстрад.

Волосы на небеса раскинув,
Гнутся словно складень перочинный,
Не пригнешься - голову снесет.
Век двадцатый. Нет, не без причины
Песня криком разрывает рот...

1976

• • •

Ах, эти притчи во языцех!
Гудит от них двадцатый век.
Быть, зацепиться, утвердиться
И переплюнуть имярек.

И все же, как это ни странно,
Мир замедляет бурный бег,
Уходят гномы и титаны,
Стихают волны, сыплет снег.

Тысячелетие второе
Кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же снег летит, ложится...
Забвенье, милость, смена мет...
Ах, эти притчи во языцех,
И белый, снова белый свет.

12 декабря 1976 г.

• • •

Всю ночь ревело в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала как маяк звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз -
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле -
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

Апрель 1977г.

• • •

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.

Я землю эту попирал ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженною рукой.

Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

1977

С.Орлов с сыном Володей.
1950 г.

С.Орлов.
70-е г.г.

М.Дудин
Дружеский шарж.

• • •

Говорят, что мы - поколение
И что этим мы и славны,
Поколение - повелением
Высочайшим самой войны.
Ох как трудно стать поколением!
Если мы бы не стали им,
Все б закончилось поражением
И падением мировым.
Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря.
Поколенье - не год рождения,
Поколенье - год Октября.
Поколенье - фронты гражданские,
Поколенье - гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.
И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет.
Только есть ощущенье ясное
Не напрасно прожитых лет.

1952

Вместо послесловия

У него была обыкновенная и вместе с тем необыкновенная биография военного поколения, и в жизни и в стихах он всегда был скромен, честен, мужествен и непримирим. Его поэзии были присуще ликующее, жизнелюбивое начало, несмотря на печальные строки, на горечь невосполнимых утрат и уходящих мгновений бытия...
Когда я думаю о таланте Орлова, он представляется мне прекрасным прочным мостом, перекинутым из настоящего в будущее, потому что творению этого большего поэта уготована долгая жизнь.

Юрий Бондарев.

Содержание:

А был он лишь солдат... 5
«Я сегодня вышел в ночь влюбленный...» 14
Десятикласснику. 15
«Может завтра, я сам не знаю...» 17
«Обвалились небесные хляби...» 18
Карбусель 19
«Его зарыли в шар земной...» 20
«А мы прошли по этой жизни просто...» 21
«Мы ушли на заре...» 22
Командир танка 23
«Вот человек - он искалечен...» 31
«Когда под пулями лежишь...» 32
«Ну что судьба - ты на нее не сетуй...» 33
«На фоне нарисованного сада...» 35
Перед порогом 36
«Нам уходить от мирного порога...» 37
У себя дома 38
В городском саду 45
«Приснилось мне жаркое лето...» 46
«Палочки две и одна закорючина...» 48
Мой лейтенант 49
«Мы не пытались в жизни окопаться...» 51
Второй 52
«Ах, песни старые, забытые...» 54
«Леса уходят. Жалко мне леса...» 55
«Я снова вспомнил почему-то...» 56
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...» 57
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...» 58
«Вечернее мычание коров...» 59
«Живым поверка. Павшим слава...» 60
«Что знаю я о мире и войне?...» 61

«Мы, дети природы, забыли природу...» 62
«В моей деревянной России...» 63
«Всю ночь за лесом где-то шла гроза...» 64
«Конь плакал. Падала звезда...» 65
«Нас нет на свете. Мы трава и лес...» 66
«Ничему не научился...» 67
«Что было, то было, и все же...» 68
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...» 69
«Весь шар земной устал от той политики...» 70
«Христос распят, но жив Иуда...» 71
«И черная случается весна...» 72
«Мне нынче снится край родной ночами...» 73
На Шексне 74
«Теряю вкус к подробностям хмельным...» 75
«День падает, и, словно колокольцы...» 75
«Как будто древних царств реликт...» 76
«Враг не может предать, как друг...» 77
«Я требую немногого...» 78
Север 79
Прощание с летом 80
«День начат с молока и хлеба...» 81
«Стал я стар не душой, не телом...» 82
«Май приносит дым воспоминаний...» 82
«Летят на юг под небом птицы...» 83
«Все кончится. Уйдут пустые споры...» 84
«Вот и век кончается двадцатый...» 84
«Ах, эти притчи во языцах!» 85
«Всю ночь ревело в бухте море...» 86
«Земля летит, зеленая, навстречу...» 87
«Говорят, что мы- поколение...» 91
Вместо послесловия..... 92

Сергей Сергеевич Орлов

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Полиграфист»
г.Череповец, ул. Ленина,80, оф. 6
Тел.: (8202) 57-33-99
Верстка: Фокина А.

Сдано в набор 29.06.01 г.
Формат 60*84/16 Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3047.

42р

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, г.Вологда, ул.Челюскинцев, 3
Тел.: (8172) 72-55-31, 72-61-75, факс (8172) 72-60-72
E-mail: pfpv@vologda.ru
http://www.vologda/~pfpv